

Мария Сидорова-Шпилькер

(Социально-культурный Центр «Дом», Ландсхут, Германия)

Евреи местечка Желудок

«Хотелось бы всех поименно назвать...»

А. Ахматова

Имя человека. Оно дается ему при рождении, с ним он живет всю жизнь, его произносят потомки после смерти. С этим именем люди связывают воспоминания и впечатления об этом человеке.

Авнер Шалев, председатель совета директоров Яд Вашем, сказал: «Нацисты хотели не просто уничтожить евреев, но и стереть память о них. Одна из главных целей Яд Вашем — это дать имя и лицо каждой жертве Холокоста, вернуть каждому из погибших его личность».

В этой статье, наряду с описанием событий расстрела и послевоенных встреч переживших Холокост, я попытаюсь представить и описать жизнь нескольких конкретных людей — жителей местечка Желудок, о существовании которых мы узнали при встречах с местным населением во время полевой школы Центра «Сэфер» в июле 2012 г.

Во время Второй мировой войны на территории рейха и на оккупированных территориях уничтожение велось в лагерях смерти, там убитых учитывали и записывали. На основании

этих записей сегодня можно проследить ужасную судьбу этих людей. На территории Белоруссии «акции» — расстрелы евреев — проводились непосредственно в местечках, где уничтожение было массовым, а имена и фамилии убитых не записывались с такой скрупулезностью, как это было в лагерях.

После войны на местах расстрелов евреев — на братских могилах — в Белоруссии были поставлены памятники с указанием количества убитых «мирных советских граждан» — без упоминания «еврей», без имен. Списки имен можно найти в «Книгах памяти», опубликованных после войны.

Сегодня в открытом социальном пространстве местечка Желудок — на улицах, на здании бывшей синагоги, в школе — ничто не напоминает о евреях — бывших жителях Желудка; они не являются участниками сегодняшней жизни местечка, точнее, поселка — поскольку местечко и его составляющие — синагога, хедер, миква, кладбище, дома — существуют физически, как разрозненные элементы, осколки некогда

общей картины, фрагменты которой раньше были связаны между собой и взаимодействовали друг с другом. Лишенные своего функционального предназначения, они остаются неузнанными, «не прочитанными» и не идентифицированными как современными жителями поселка, так и большинством его посетителей. Путешественники, гости поселка, не посвященные в его историю, нигде не найдут свидетельств о его еврейском прошлом.

Само местечко перестало существовать в социальном и историческом смысле, нет главного — его жителей, которые наполняли смыслом и использовали по назначению этот еврейский «физический контекст» — молились, учились, очищались, поминали умерших, строили дома и жили в них.

Но они — были. И составляли большинство жителей поселка, и создали поселок в том виде, в котором он существует сегодня. В домах, построенных евреями, живут сегодняшние жители поселка. Рассказывая о жизни в Желудке, они упоминают одни и те же имена бывших жителей местечка, и истории, связанные с ними. Так из свидетельств разных людей складывается портрет человека — иногда и целой семьи или рода. Они помнят своих соседей, знают об их семьях и их судьбе, рассказывают о немногих живших после войны в Желудке евреях. Разные люди рассказали нам об Эйшеле (Грише) Деревянском, Льве Колтуне, Зелике Рубинштейне, Абраме Святом, Хоне, семье Казаревских, Березовских, Давыдовских, семье Токеров, Асе, Мироне Мордуховиче.

Именно благодаря Мирону Владимировичу Мордуховичу, его книге воспоминаний о Желудке с рисунками и фотографиями и стали известны некоторые имена и истории евреев Желудка, события военной истории местечка, материалы и свидетельства других оставшихся в живых евреев — Песи Левит, Моше Бирха, Нахума Шифмановича.

9 мая 2012 г. исполнилось 70 лет со дня уничтожения евреев местечка Желудок и деревни Орля Щучинского района Гродненской области. В этот день состоялся ежегодный митинг с участием председателя поссовета Желудка Геннадия Ива-

новича Цивинского, который во время разговора с нами подчеркнул, что в связи с печальной годовщиной поссовет постарался организовать митинг на хорошем техническом уровне — были включены микрофоны и специальное освещение, подчеркивая таким образом серьезность и важность события для поселковых властей. Присутствовавшие на митинге родственники погибших отметили, что такую организацию митинга они видят впервые. Таким образом, возможно, впервые за все послевоенное время началось «официальное» осмысление трагедии евреев Желудка на местном уровне, и открыто, в присутствии жителей, поссовет высказал свою позицию в отношении жертв Холокоста.

На проходившей после митинга встрече в зале Дома культуры (бывшей синагоге) родственники погибших поговорили с жителями Желудка. Одна из женщин, живущая на Краснопартизанской улице, 29, рассказала, что к ней после митинга заходила женщина и сказала, что она выросла в этом доме.

Массовый расстрел евреев Желудка и Орли состоялся 9 мая 1942 г. Около 2000 евреев были расстреляны в этот день на окраине поселка и там же погребены. Общее население поселка на 1940 г. составляло 2436 человек, 1708 были евреи (70%). Это значит, что большая часть жителей местечка в течение двух часов перестала существовать, оставив после себя не только домашний скарб и сами дома, но и выживших жителей поселка, осиротевших в одночасье.

Начало войны в Желудке

По свидетельству Мирона Мордуховича, уроженца Желудка, на следующий день после начала войны, 23 июня 1941 г., в Желудке началась эвакуация. Старики, не хотевшие оставлять свои дома и верившие в цивилизованность немцев, не хотели уходить. Нахум Шифманович, 1922 г.р., свидетельствует: «Местечко находилось недалеко от границы, и ходили слухи о преследовании евреев, о расстрелах не знали и говорили, что такой культурный народ, как

немцы не способен на уничтожение невинных людей»¹.

Отец Мирона (Меера) — Вольф (Велвл) Мордухович был неверующим евреем и активным коммунистом, депутатом поссовета. Он знал, что ему, как «красному», и его семье «под немцем» будет плохо, и сам с утра 23 июня пошел записываться добровольцем в военкомат.

Для эвакуации жителей Желудка прислали машины-«полупорки». В первую машину посадили жен летчиков Желудокского аэродрома с детьми. Во второй машине были девушки — комсомолки — их тоже вывозили первыми в связи с их членством в комсомоле. На площади у девушек проверили комсомольские билеты. Старшую сестру Меера, Перл (1922 г.р.) тоже посадили в «полупорку» вместе с другими девушками — все они были еврейки. Директор школы, небольшого роста мужчина, тоже сел в грузовик, чтобы спастись. Матери и провожающие подняли крик — как это возможно, что мужчина поедет в одном грузовике с комсомолками, и ему пришлось выйти из машины. Вечером уехали все управленцы Желудка — поссовет, военкомат и милиция, так что Желудок до прихода немцев остался без власти.

Сам Меер и его мать Рахиль вместе с семьей Волчковских в этот же день ушли без вещей, пробирались на восток, в Россию, и, преодолев все препятствия, оказались в Пензенской области. Отец тоже ушел из Желудка 23 июня и встретился с семьей через несколько дней. Семья Мордуховичей, по свидетельству Мирона Мордуховича, оказалась единственной целиком оставшейся в живых — сын Меер, дочь Перл, мать Рахиль и отец Вольф.

Немцы пришли в Желудок через несколько дней, 27 июня 1941 г. Они находились в имении Святополк-Четвертинских и пришли в местечко с запада. Они не рассчитывали на встречу с Красной Армией, поскольку фронт уже дошел к этому времени до Минска. Недалеко от Желудка в лесу оказались красноармейцы, которые

¹ Свидетельство собрано Леонидом Смиловицким: Свидетели нацистского геноцида евреев на территории Белоруссии в 1941–1944 гг. (http://www.souz.co.il/clubs/read.html?article=2255&Club_ID=1).

искали дорогу на восток, пытаясь выйти из окружения. Их было всего несколько человек, и они вышли на дорогу, где их заметили немцы. Тогда немцы из огнемёта открыли огонь по местечку, и здания на рыночной площади загорелись, в результате сгорело почти все местечко, огонь остановился за пару домов от дома Мирона Мордуховича на Орлянской (Краснопартизанской) улице, 27.

Мирон Мордухович в своей книге о Желудке, фрагменты которой публикуются в этом сборнике, приводит «План местечка Желудок на 1939 год». На этом плане Мирон Мордухович указывает стрелкой свой дом № 27 на Орлянской улице, он находится на левой стороне улицы. Сравнивая план, составленный Миронем Мордуховичем, и план современного Желудка, становится ясно, что нумерация домов и стороны улицы — четная и нечетная — поменялись местами, так что современный дом 27 на Краснопартизанской улице не является его домом. По свидетельству Мирона Мордуховича, его дом сохранился до сегодняшнего дня. Номер мобильного телефона Мирона Владимировича неслучайно содержит несколько повторяющихся комбинаций этого числа — число «27», номер своего родного дома в Желудке, Мирон Владимирович считает всю жизнь своим талисманом.

В июле 1941 г. евреям Желудка было приказано выбрать Юденрат, в который вошли четыре человека. В ноябре 1941 г. было официально установлено гетто, оно находилось на Орлянской улице. Никаких заграждений вокруг гетто не было². Синагога, отданная по желанию группы нерелигиозных евреев под Дом Красной Армии еще в 1939 г., по свидетельству Мирона Мордуховича, в период гетто тоже служила жилым помещением.

Расстрел евреев в Желудке 9 мая 1942 г.

Свидетельства, описывающие «акцию» 9 мая 1942 г., зафиксированы нами от белорусов и поляков во время интервью в рамках летней школы 2012 г. Свидетельства евреев — и участни-

² Пивоварчик С.А. Желудок // Холокост на территории СССР: Энциклопедия. М., 2011. С. 307–308.

ков событий, и описывающих расстрел по рассказам — были получены от Мирона Мордуховича в интервью по телефону, почерпнуты из переводов очерков жителей Желудка Песи Левит и Моше Бирха — будучи очевидцами расстрела и последующих событий в Желудке, они подробно описывают в «Книге памяти Желудка и Орли» эти дни. Софья Арлукевич из белорусской семьи была пятилетней девочкой, она рассказывает о предостережениях взрослых. Мирон Мордухович, Нахум Шифманович и Ян Прусский знают о расстреле по рассказам очевидцев.

По свидетельству Моше Бирха (Бейраха), операция началась 9 мая 1942 г. В этот день из Лиды приехала зондеркоманда СС и литовские полицейские, командующие офицеры Леопольд Виндиш и Рудольф Вернер. Моше Бирх пишет, что в этот день жители гетто увидели крестьян с лопатами и решили, что это «ямокопатели». Семья Грайжевски подожгла свой дом в гетто, чтобы отвлечь немцев, устроить суматоху и разбежаться. Это удалось одному из членов семьи. Другие жители гетто были в шоке и искали убежища, чтобы спрятаться, и читали молитвы (псалмы), ожидая своей участи.

Позже в гетто послышался грохот телег — крестьяне приехали грабить гетто. Вскоре после этого приехавший немецкий офицер отдал приказ всем евреям выйти из домов на улицу. Отец Песи Левит Яков сидел, завернувшись в талес, никуда не двигался и читал тегилем.

Немцы, литовские и польские полицаи выгоняли людей из гетто на рыночную площадь. На площади офицер Леопольд Виндиш отобрал 80 евреев-профессионалов, которых оставили в живых. Моше Бирх описывает случай, как Берл Штейн, услышав, что ремесленники останутся жить, побежал к группе «помилованных», все руки у него были в муке и тесте — так он хотел подтвердить свою профессию, но документов у него с собой не было, и его отправили на смерть³. Остальных, за исключением еще 140 ев-

³ Моше Бирх. «День резни» (очерк). Рукописный перевод с идиша М. Мордуховича, оригинал в: The Book of Zoludek (Zheludok) and Orlova; a Living Memorial (Belarus) / Editors

реев, за неделю до этого отправленных на работы, и нескольких спрятавшихся в гетто, расстреляли на окраине местечка.

Свидетельствует Мирон Мордухович (по воспоминаниям Моше Бирха):

Это было утром, в 10 часов утра оставшиеся в живых слышали, как расстреливали их родных, стоял крик и плач, это рядом совсем, 500 метров. Расстреливали по 10 человек примерно, семьями в основном, раздетых людей, доводили до края ямы, расстреливали, еще одна десятка шла за ними, и так быстро, часа через два все было закончено. Тогда расстрельщики пошли в ресторан, а эти 80 человек, в том числе муж Песи, Мойше, он был среди тех, которые стояли. Потом у них забрали все, что у них было припрятано — золото, они понимали, что уже все, и их загнали в синагогу, там они ночевали. Ночью к ним пришел мальчик Фишеле Забровски, тоже с нашей улицы, он был на два года моложе меня. Его отец прикрыв телом своим, они всю семью уже расстреляли, лежали друг на друге в крови. Они были последние. Яму не засыпали. Ночью он пришел в себя, вылез из-под отца и весь в крови, голый, он прибежал к этим в синагогу, и рассказал, как их расстреливали. Ему было 10–11 лет. Можно представить себе ужас этого мальчика, который шел через лес, боясь выйти к людям. Фишеле пришел в синагогу к оставшимся в живых евреям⁴.

Во время интервью нам несколько раз приходилось слышать, что евреи не сопротивлялись и не пытались противостоять насилию. Так, например, Эдуард Феликсович Гедревич сказал, что евреев было около 2000 человек, четверо пытались бежать, их расстреляли, некоторым все-таки удалось убежать. Далее он приводит такое объяснение: «Люди говорили, что рабин на немецкую машину залез и сказал, что “Наше время кончилось, не пробуйце не уцिकाць, ничего. Мы уже свое отжили”. Он успокоил людей. Ему, наверное, приказали немцы. Они были на трех-четырёх машинах. Человек 30 немцев и 2 тысячи человек расстреляли»⁵.

A. Meyerowitz, Former Residents of Zoludek in Israel and the USA. Tel Aviv, 1967.

⁴ Зап. М. Сидорова-Шпилькер 18.10.2012.

⁵ Зап. Е. Смирнова и М. Сидорова-Шпилькер.

Здесь, возможно, проявляется человеческая склонность найти какое-то приемлемое объяснение необъяснимому и, возможно, отчасти, мотив «они сами так решили, это было их решение» — определение виновного. Возможно, в данном случае сыграло роль и восприятие польскими и белорусскими жителями местечка непонятных им еврейских религиозных практик, казавшихся загадочными, таинственным, мистическими: раввину, возможно, приписывались какие-то сверхъестественные силы, и все евреи последовали за ним под воздействием этих сил.

Мирон Мордухович опровергает эту версию:

[Нам говорили, что 9 мая перед расстрелом раввин сказал всем евреям, что не надо сопротивляться, «наше время кончилось»]. Может быть, это было позже. Никакого раввина не было в этот день. Песя Левит пишет, что отец ее завернулся в талес, он был очень набожный, и он не пошел никуда, сидел в доме в этом. И немцы пришли, его уволокли, наверно, тоже к ямам. Он был уважаемый человек, старый. Раввин не мог быть, потому что в советское время раввина не было, его арестовали в 40-м году, наверно, и все. Синагоги не было⁶.

Мирон Мордухович упоминает здесь о раввине Эльханане Сорочкине, жена и дети которого были расстреляны.

Сейчас об этом не говорят — но вели себя некоторые белорусы ужасно, не поляки, а именно белорусы, они были очень бедные, и они завидовали всегда евреям в местечке, потому что евреи жили богаче. Считали, что евреи их обманывают. В местечке свирепствовал антисемитизм. А когда пришли Советы, евреи стали хозяевами положения, и это их страшно возмущало и раздражало. С приходом немцев часть молодежи записалась в полицию, и участвовала в этих расстрелах. Некоторые крестьяне из городка стояли около евреев, и когда евреи раздевались, они хватали у них одежду, говоря — тебе это не нужно, тебя сейчас убьют, а мне это надо, отдавай. Другие местечковые крестьяне, стояли и смотрели...

⁶ Зап. М. Сидорова-Шпилькер 18.10.2012.

Виленская улица (ныне Октябрьская).

*Фото 1980 г. из личного архива М. Мордуховича.
По этой улице в 1942 г. евреев местечек Желудок
и Орля вели на расстрел*

Песя Левит, она тоже из Желудка, она спаслась, она была подруга моей сестры. У нее были богатые родители, она пряталась на чердаке, а потом один польский парень, который служил в полиции, он учился с ней в одной польской школе, ее спас. У нас было так — 5 классов кончали еврейскую школу, а дальше кто как хотел — переходил в польскую. В том числе и моя сестра шестой и седьмой класс кончала уже в польской школе. Эта Песя училась тоже в польской школе, она была очень красивая. И этот парень-поляк ухаживал за ней еще в Желудке до войны. Потом началась война, и вот — Песя не была ни комсомолкой, ни... она была сионисткой, она говорила на иврите хорошо, на польском хорошо. И она пряталась на чердаке две недели, и потом, когда она уже умирала с голоду, он поднялся случайно на чердак, и не узнал ее. Он начал ей таскать еду, воду, и потом он ее устроил там — там осталось 80 человек, которых отобрали для работы в Лиде, в Лидское гетто. 80 евреев. И она выжила — конечно, через страшные муки. Там она встретила знакомого из Желудка (Мойше Бейрах / Моше Бирх. — Прим. соб.), они стали жить вместе⁷.

Софье Арлукевич, 1937 г.р., было 5 лет на момент расстрела. Из ее свидетельства следует, что евреев расстреливали вдоль нескольких улиц, а русских заставляли собирать тела расстрелянных:

⁷ Зап. М. Сидорова-Шпилькер 18.10.2012.

Софья Антоновна Арлукевич

Не, мы когда уже были, и били евреев, мы уже жили в том доме. Потому что я была ешчэ маленькая и помню, выбегали, сказали нашим уже людям всем. Что когда будут стрелять, чтоб на пол ложился. А когда уже прыбизжим в комнату, ляжем, выстрел этот уже кончыцца, бежим на крылечко, выглядваем. Когда их били, то потом русских людей заставляли собирать. Их столько было нападано на дороге. Па пераулкам усяжим яны. Некоторые убягали, некоторые сразу сердца разрывалася от переживания. И потом русские люди з лашадьями собирали на воз и возили туда закапывать⁸.

Ян Францевич Прусский, 1944 г.р., свидетельствует:

Их расстреляли... собрали, сказали, что всех уведут в Лиду. Ну, завели вот сюда, пораздевали и по десятке ко рву — и расстреливали. А кто спрятался здесь, на месте полицейские расстреливали. И потом на телегу и туда свозили труп. Поэтому тут евреев было очень много. [Как спаслись оставшиеся в живых семьи?]. Ну, в основном да. Вот те, кто убежали к партизанам, да, или были на фронте. А в основном... Ну, может, там несколько человек местных жителей. Вот я знаю, в Скрибовцах был такой случай <...> спасли еврейскую семью. А так это редко бывало, случалось, потому что люди боялись. А в основном все евреи, которые здесь были, они все покоятся за Желудком, потому что вера у них была в гуманизм немцев исключительно большая. Они по всей вероятности помнили Первую мировую, когда кайзе-

⁸ Зап. Е. Смирнова и М. Сидорова-Шпилькер.

Ян Францевич Прусский

ровские войска и евреи были за одно практически. Да. И тогда все должности и так далее, все занимали в основном высокие при оккупации евреи. Ну вот 1941 год это не показал. Вот где-то ну пять-шесть семей жило, но часть было приезжих, по-видимому⁹.

Мирон Мордухович приводит случаи участия населения в расстрелах. Песя Левит описывает жалость и сочувствие со стороны польского молодого человека, ее довоенного знакомого и друга. В целом же складывается впечатление об обреченности и одиночестве евреев — несмотря на их численное превосходство над другими группами населения: некоторые их соседи и бывшие покупатели, клиенты не только пассивно наблюдали за происходящим, но и активно участвовали в расстреле и последующем мародерстве.

Активное сопротивление — противоположность описанной выше покорности судьбе — оказывалось евреями, уходившими в партизаны. Ярким примером может служить судьба Боруха Левина, о которой рассказано ниже.

Встречи после войны

После войны оставшиеся в живых евреи Желудка приезжали в день расстрела помянуть своих родственников. Поскольку дата совпала с 9 Мая, Днем Победы, в поселке в этот день

⁹ Зап. Е. Смирнова и М. Сидорова-Шпилькер.

проводился митинг. Многие жители поселка говорят о большом сборе евреев именно в этот день, связывая их приезд с празднованием Дня Победы. В частности, соседка Эшеля Деревянского видела большие группы евреев, которые приезжали в этот день, у дома своего соседа, и объясняет этот приезд именно празднованием Победы.

Мария Гузень, 1938 г.р.:

Они были в хороших отношениях, по-своему говорили — гергечут.. ну, уже гергечут.. Вот какой-то был большой праздник, 9 мая, что ли... [Что это за праздник?] День Победы! И все съезжались, было много евреев из больших городов — и из Львова, и из Минска, особенно много из Бобруйска, там много евреев было. Приезжали на машинах, потом тут погергечут и пошли на кладбище туда. Но они не пили, никогда не пили, просто беседовали между собой. [А почему именно в Желудок они приезжали?] Потому что тут еврейское кладбище, тут похоронены все евреи, тут говорят, что заживо их убивали, они тут стояли, поставили их на берегу, большая могила была, братская, их постреляли, и кто не успел скончаться — говорят, земля ворухалась оттого, что там они живые некоторые... я даже не помню — я вела этот учет по братским могилам, сколько там похоронено, все из желудка, это называется братская могила. Хорошее кладбище такое, там оборудовано все, поссовет смотрит очень за этим, соблюдает чистоту и порядок, так что там все очень хорошо¹⁰.

Мария Владимировна Гузень

¹⁰ Зап. Е. Смирнова и М. Сидорова-Шпилькер.

Мирон Мордухович, много лет приезжавший в Желудок вместе с другими евреями, подробно описывает, как проходили эти встречи:

Приезжали на День скорби и на День Победы. В нашем местечке так сложилось, что было много умных образованных людей, очень веселых, это была дружная компания. И именно эти люди спаслись. Почему? Они были все коммунистически настроенные, и поэтому перед приходом немцев, на второй день, эти люди все ушли на восток, в том числе и наша семья. Шли, естественно, пешком, многие погибли, но большинство все-таки выжило, и мы потом после войны начали встречаться в местечке. Приезжать начали через 10 лет примерно, в 1955 году, приезжали из Вильно, из Лиды, из Минска. В Вильно жили все евреи местечковые, перебрались. Евреям не хотелось жить в этих местечках после того, что произошло, и они все перебрались в крупные города Белоруссии, России, Украины и т.д.

Они на автобусах, машин еще не было, приезжали в Желудок. Я жил уже в Липецке, мои родители, сестра — жили в Риге, они приезжали из Риги на поезде. Я с женой — у меня жена русская была — приезжали из Москвы поездом до станции Рожанка, и все приходили к Асе. Она жила в Щучине и принимала нас как родных. Ася Федорова. [Какая у нее была девичья фамилия?] Виришубская, отца звали Берл, она была Ася Борисовна, у них было много детей, и, конечно, семья вся погибла. Муж ее вывез, вместе с армией они эвакуировались ... [Я нашла в списке, вижу — ее отец Берл, его жена и четверо детей]. И братья были, у них была большая семья. Она устроилась где-то в Щучине. То есть она и Вася нас встречали. Приезжало человек 30, и мы у нее размещались — у нее был дом большой. Вставали, пили водку, и потом шли на площадь, где и был митинг, и мы стояли в стороне, все косились на нас, пытаюсь угадать, кто эти евреи. Это было в 1965 году. А потом мы ездили — я с женой — все время вместе, они все знали уже мою жену.

Приходили на эту площадь, выступал председатель сельсовета, выступал кто-то из военных, салют производили, а последним давали слово мне, почему мне — потому что я говорил по-русски чисто. Они все, даже Ася, говорила по-гойски, по-деревенски, и я говорил несколько, десяток предложений, фраз,

Кого нег на снимке 1. Аврама Подлинский, Вильно 2. Иче Токер, Одесса 3. Аворим Трайневецкий, Одесса 4. Бери Липшюва, Чкаловск
5. Лева Кадаревский, Москва 6. Вера Сичмокова, Вильно. Жена Зельма.

1. Сая М.Токер (Вильно) 2. Г.Р.Эл. из Кишинёва 3. Мишары Лудеский 4. Пера Подлинская 5. Риза Бер.Федорова (Вердубская) Мужик 6. Фрида Блюштейн из Сидделя 7. Тарл Мордухович из Риги 8. Хона Абрамович Москва
9. Года Боревки, Липецк (моя жена) 10. Воль и Витка Эстер В. Гродно 11. Хана Шифманович Душин 12. Невалтка Аси. Гродно 13. Каца дочь Аси 14. Гордон из Калининграда 15. Абрам Боровский Москва 16. Это Я. Мещер
17. Нота Давидовский Ташкент 18. Владимир Логин с женой Минск 19. Зейле Токер с женой Гродно 20. Эстер Вильнерман Гродно 21. Ледерман. Н.Нисберг 22. Силья, Ждановск 23. ...
24. Рубинштейн 25. Элла Веревлянский. Ждановск 26. Мейер ... Ждановск 27. Зелик Сичмоков, Вильно 28. Вильма Покровская, Ждановск 29. ... 30. Гитла Шифманович Ровно
31. Ося. Ждановск 32. Нема Жданович Вильно 33. Цид Вильнерман Минск 34. Вис. Федорович, Мичи Рев. 35. сын Цукерман 36. Нохим Шифманович, Кудрин 37. Сая. дочь, Либав,
аргентина, советско - 1970 год

Встреча в день памяти 9 мая у памятника на месте расстрела в Желудке.
(Предположительно 1970 год, из личного архива М. Мордуховича)

что мы, бывшие жители Желудка, те, кто спаслись — кто в партизанах, кто в армии, кто в эвакуации, прибыли сюда... И так было каждый год.

Этого не было ни в одном местечке вокруг — ни в Щучине, ни в Василишках, ни в Рожанке, почему-то именно наши все собирались.

Сначала это все было очень печально, поминально, плакали все, кадиши говорили на кладбище, а потом уходили школьники — это уже было в 60-е. После всего садились на машины, уезжали в Щучин, в ресторан — Ася заказывала. Мы садились за столы, и выпивали сначала в память о погибших, люди плакали, потом понемножку приходили в себя, потом второй тост — за Победу, за спасенный еврейский народ, а потом по мере продвигалось веселье, начи-

нали петь еврейские песни на идиш, было несколько певцов таких интересных, потом начинали рассказывать всякие байки местечковые — ты помнишь про этого? — ха-ха-ха... и так всю ночь сидели в ресторане, в 12 часов обычно уходили уже небольшими компаниями к Асе и сидели до самого утра. Потом говорили о жизни, где, кто как живет. Приезжал Нота Давидовский из Ташкента. Приезжали Токеры, Иче Токер из Одессы, из Москвы приезжали Авраша Боровский и Хона Абрамович, из Нижнего — Ледерман. Хаим Подлинский, наш большой артист из Вильнюса. Гедале Токер жил в Щучине, а его брат Иче жил в Одессе. Гедале Токер был в партизанах, а Иче спасся — он вместе с нами уезжал, он на велосипеде ездил, они нас обогнали —

мы шли пешком. Он оказался в Одессе. Было очень много людей, я вам мог бы вспомнить человек 30. Много фотографий есть.

Как-то позвонила Ася, сказала, что памятник был в плохом состоянии, мы собрали денег, община, из Америки помогли — и этот памятник восстановили. [Когда был поставлен первый памятник?] Я не помню, я помню только, там была одна дочечка, на ней было написано — более 2000 мирных граждан, а потом добились второй раз, это было лет 10 тому назад. Во время ремонта сделали новую табличку, где было указано уже более 2000 евреев — вместо «граждан». [В разговоре с председателем сельсовета зашла речь об именах, что замечательно было бы всех бы перечислить и назвать. Он сказал — вы знаете, памятник подлежит Госстандарту Белоруссии, по Госстандарту Белоруссии все захоронения, их очень много — военные захоронения, и по стандарту — так, никаких фамилий он не предполагает.] Я бы тоже этого не стал делать — мы лет 10 тому назад в Липецке памятник для всех погибших во время войны делали, это было около 10 000 фамилий, на мраморных досках. За этим надо следить, это довольно солидное мраморное сооружение, дорогостоящая штука для Желудка. Просто через 2–3 года мрамор тускнеет, за ним надо ухаживать, я думаю, что этого не стоит делать, даже требовать от них. Понимаете, если бы там евреи жили, которые бы знали о своих, если бы там жили внуки или правнуки тех евреев — никого нет¹¹.

Мирон Мордухович предполагает, что местечко Желудок отличалось от других местечек уровнем образования и интересов людей — например, в местечке разыгрывали спектакли, был свой театр, поэтому эта дружба и этот настрой сохранились и у переживших трагедию людей; именно поэтому они, став уже почти одной семьей, собирались из года в год. К сожалению, Ася Виршубская-Федорова умерла в 2011 г., но и 2012 г., 9 мая, по свидетельству Геннадия Ивановича Цивинского, в местечке собирались евреи.

¹¹ Зап. М. Сидорова-Шпилькер 18.10.2012 г.

Отдельные судьбы

По свидетельству Мирона Мордуховича, после войны в живых осталось 70 жителей Желудка, в октябре 2011 г. их было только 8 человек из послевоенного поколения.

Кроме нескольких имен, названных жителями поселка, мы нигде не встречали упоминаний всех жертв — ни на памятнике на месте расстрела, ни в документах поссовета.

Во время встречи с председателем поссовета Геннадием Ивановичем Цивинским и сотрудницей Инфоцентра Таисой Владимировной Трукшиной мы спросили, существует ли полный список погибших — известны ли имена всех расстрелянных. Геннадий Иванович сказал, что такой список у него был, и он мог бы его найти и предоставить нам. Пока мы разговаривали с Геннадием Ивановичем, Таиса Владимировна действительно нашла этот список, а также копию страниц книги «Память. Щучинский район» со списком погибших.

Этот список занимает 19 страниц, написан от руки на листах формата А4 в клеточку; это копия, оригинал найти не удалось. Автор списка нам не известен — по предположению Геннадия Ивановича, это могла быть прежний секретарь поссовета Елена Владимировна Прудило, жительница Желудка, встретиться с которой мы не смогли. В списке перечислены 430 фамилий евреев Желудка и 76 фамилий евреев из Орли. Эти цифры являются только порядковыми номерами списка и не указывают точное количество погибших, поскольку в списке встречаются три разных формы записи:

- «6. Ольштейн Хаим, жена Маня и сын Изя», т.е. под одним номером в списке значатся три человека, их нужно было бы учитывать отдельно;
- «13. Индерштейн Лейзер, жена Лея и дети», т.е. возможно определить двух взрослых человек, а количество детей неизвестно.
- «9. Ольштейн Сара с семьей» — в списке назван один человек, сколько членов семьи было в семье, взрослые это или дети — определить невозможно.

В «Книге памяти» Щучинского района указано, что 2000 евреев были расстреляны на юго-восточной окраине поселка¹².

В процессе описания и исследования старого еврейского кладбища в июле 2012 г. на кладбище были обнаружены могилы предков расстрелянных евреев.

О нескольких жителях Желудка, информацию о которых удалось найти, расскажем более подробно.

Мирон Мордухович

О Мироне Мордуховиче нам рассказала учительница Желудокской школы Галина, она слышала о нем на встрече родственников погибших в Желудке 9 мая.

Нам удалось разыскать Мирона Владимировича и взять у него интервью. Он рассказал о себе, о многих жителях Желудка, об их жизни после войны и о самом местечке Желудок. Он написал книгу о местечке для своих родственников и, будучи архитектором, сделал к ней точные чертежи, схемы, описания домов и план местечка. Фрагмент книги публикуется в этом сборнике.

Мирон Владимирович (Меер Вольфович) Мордухович родился в Желудке 9 июля 1929 г. Его семья в течение многих поколений жила в Желудке. Свое новое имя он взял после того, как дети (во время войны в эвакуации в России) сказали ему в школе, что странно, некрасиво иметь такое имя — Меер. Тогда Меер стал Мироном, отчество заменил на Владимирович. Мироном его называют в семье и в кругу друзей. Желудокцы по-прежнему называют его Меер: «...Моя землячка Эся (Ася Виршубская, прим. авт.), подталкивая меня, приговаривала: Меер, ду кенст нох реден, зог а пор вертер, вайз вер мир зайтен. (Меер, ты же умеешь говорить, скажи пару слов, покажи, кто мы такие.)»¹³.

¹² Памяць. Шчучынскі раён. Мінск, 2001. С. 372–379.

¹³ Мордухович М. Мне всегда везло // Корни, № 40 (www.shorashim.narod.ru/best.html)

Я когда пошел в школу — мне стали говорить — некрасиво, я не понимал, я же был из Польши, что есть русское и еврейское имя, дети сказали, что у меня два имени — еврейское и русское, и надо переделать еврейское в русское. Мотл назывался Матвей. Я работал в поле с крестьянками, они меня называли сынок — я не мог понять, потому что по-русски плохо говорил, прошло всего два года, как пришли Советы, и начали русский. А так я знал идиш. Идиш был основным языком, на котором говорили все, все местечко, и религиозные, и коммунисты. Остальные говорили на польском, а крестьяне, белорусы, говорили на «гойском» языке, это смесь польского и белорусского. Они приезжали из деревень в местечко, привозили свои товары в еврейские магазины. В этом языке было много славянских корней. «Гойский» же был неофициальный язык¹⁴.

Мать Мирона Владимировича, Рахиль Токер, была из большой и разветвленной семьи Токеров, которые жили в Желудке. В частности, по свидетельству Э.Ф. Гедевича, в д. Зачепичи была большая семья Токеров¹⁵.

Мама была белошвейка высшего класса, и я был очень горд, когда к нашему дому подъезжала карета, четверка лошадей, и мать сажала и в эту карету, и увозили ее и девчонок, которые с ней работали, человека три-четыре, увозили в имение. Это бывало обычно перед свадьбой или другим праздником, там они шили, работали. Это было в 36-м — 37-м году¹⁶.

Рахиль вместе со своей семьей — единственной семьей из всего местечка, полностью уцелевшей — пережила войну в России, после войны уехала в Ригу, жила там до конца жизни, похоронена в Риге.

Отец Мирона Владимировича, Вольф Мордухович, из семьи мелких купцов. Окончил два класса хедера, умел хорошо читать на идише и по-русски, был портным, шил дамские пальто и жакеты. Был нерелигиозным человеком, объединял вокруг себя еще 20–30 семей. Они встре-

¹⁴ Зап. М. Сидорова-Шпилькер 18.10.2012.

¹⁵ Зап. Е. Смирнова и М. Сидорова-Шпилькер.

¹⁶ Зап. М. Сидорова-Шпилькер 18.10.2012.

*Эдуард Феликсович Гедревич
и участник школы Александр Погорелый*

чались и общались в доме Мордуховичей, читали запрещенные в довоенной Польше книги, приветствовали приход советской власти. Сменив специальность, Велвл работал сначала по национализации библиотеки в имении Святополк-Четвертинских — библиотеку переносили в недавно организованный клуб, в бывшую синагогу. Потом пошел работать завхозом в больницу. Мирон Мордухович так объясняет нерелигиозность отца:

Перед Первой мировой войной отец должен был поехать в Америку. А его послали в Вильнюс учиться портняжному делу — в Америке дамский портной — была очень хорошая специальность. Он учился четыре года, потом началась война, Первая, и там его рабочие втянули в Союз портных. У него было 2-классное образование, там были вечерние школы для рабочих. Он вступил в «Бунд», перестал быть верующим, в больших городах больше 50% было неверующим. Отец был большевик, родственники перестали с ним водиться. В местечках было 90% евреев, но в селах были одни православные или католики. Было большое еврейское население в Польше, но им никто ничего не давал, еврейских студентов принимали по цензу, эти студенты должны сидеть с правой стороны в аудиториях — ужасный антисемитизм. Поэтому отец был коммунист, нельзя было сказать — партия была запрещена, найдут у тебя литературу или красный флаг — посадят на пять лет. Поэтому все очень боялись в Польше. Отец и

все его друзья собирались у нас дома, закрывали двери и читали на идише «Мать» Горького, «Тихий Дон». Почти все они бежали перед приходом немцев — они не думали, что их убьют как евреев, а как коммунистов. <...> И в синагогу отец никогда не ходил, а я ходил со своими дядями, со своими друзьями, и находились такие — помню, мне было лет восемь, меня спрашивают — почему ты отца не тащишь в синагогу? Он что у тебя — совсем «а гой»? Мой дядя сказал — что ты пристал к ребенку, иди отсюда. Евреи понимали, а таких семей, наверно, было 20¹⁷.

Сейчас Мирон Владимирович, его дочь Маргарита и его внук Александр живут в Липецке. Мирон Владимирович архитектор, является главным архитектором института «Липецкгражданпроект».

В списке погибших значатся Итка Мордухович с семьей, Михал Мордухович с семьей, Моше Мордухович с женой и детьми, Шлейме Мордухович с женой и сыном Шмуелем и 14 членов семьи Токеров из Желудка. Значительно позже выяснилось, что Шмуэль Мордухович все-таки спасся — он приехал на встречу в Желудок в 1990 году.

М. Мордухович с дочерью Маргаритой, 2000 г.

¹⁷ Зап. М. Сидорова-Шпилькер 18.10.2012.

Ася (Эся) Борисовна (Берловна)
Федорова-Виршубская,
1927(?)–2011

Об Асе мы слышали от многих жителей поселка. Отец Аси Берл, ее мать и сестры внесены в список расстрелянных евреев, вместе с ними еще одна семья Виршубски — Хаим-Лейб с женой Сарой: «166. Виршубски Берл, жена и дети Эстер, Хана, Шеел и Фрейда»¹⁸.

Геннадий Иванович Цивинский говорит об Асе как о «главном контактном лице» при организации ежегодного митинга 9 Мая: «Ася жила в Щучине, она и ее сын Алексей Федоров звонили накануне, спрашивали, можно ли приехать, подготовлена ли могила»¹⁹.

Мария Гузень тоже упоминает Асю: «Когда он [еврей-сосед] умер, мы начали искать деньги. Как хоронить? Приехала со Щучина евреечка, она ему какая-то далекая родственница, Ася, она была как руководитель похорон»²⁰. Видимо, Ася была важным связующим звеном между рассыпанной по всему свету диаспорой желудокцев и родным местечком.

В статье «Увековечена память героя» в журнале «Благовест», № 4 за 2006 г. Ася Борисовна упоминается как ветеран Великой Отечественной Войны, свидетель первого тарана немецкого истребителя советским бомбардировщиком 22 июня 1941 г.²¹ В газете «Белорусская нива» от 7 июня 2011 г. вновь была опубликована статья о героях-летчиках, в которой Ася Борисовна упоминалась как участник событий начала войны. По версии газеты, благодаря тому что она работала в летной столовой при 16-м авиаполке, который перевели в Желудок перед войной, и мудрому совету одного из командиров полка, Ася Борисовна 23 июня вместе с летчиками, поехавшими получать новые самолеты, уехала из Желудка. Именно это и спасло ей жизнь. По-

¹⁸ Номер согласно копии рукописного «Списка евреев м. Желудок, расстрелянных немецкими фашистами 9 мая 1942 года», полученной в июле 2012 г. в поссовете г.п. Желудок.

¹⁹ Зап. М. Сидорова-Шпилькер.

²⁰ Зап. Е. Смирнова и М. Сидорова-Шпилькер.

²¹ <http://www.mod.mil.by/armia/pdf/2006n4/09.pdf>

сле четырех лет войны она вернулась в Белоруссию — одна из всей семьи, погибшей 9 мая 1942 г.²²

Эшель Завилович Деревянский

Отец Эшеля и еще около 40 взрослых и детей с фамилией Деревянский отмечены в списке расстрелянных 9 мая 1942 г.: «117. Деревянский Завл с семьей»²³.

Об Эшеле мы слышали практически в каждом интервью. Видимо, благодаря его неординарному характеру, его хорошо помнят многие жители Желудка. Все они описывают его как «ганучника» (тряпичника, старьевщика), который ездил по деревням и собирал старую одежду. У Эшеля была своя лошадь, которую брали у него «на прокат» жители поселка.

Вот этот домик возле нас, жил еврей, Деревянский Эшель Завилович, Царствие ему небесное, умер. Он жил с женой, у них детей не было. Очень хороший был человек. Он был тряпичник, по-нашему ганучник, собирал тряпки по деревням, вот такое. Был очень хороший, интересный товарищ. Был участник войны»²⁴.

Кроме тряпок, он закупал у крестьян продукты и был некоей «передвижной лавкой» для желудокцев:

Эшель ездил по деревням скупал у женщин яйца, мы у него покупали»²⁵.

Эшеля забрали на скорой, ему плохо. И через день он умер, у него было воспаление легких, и он аж сгорел от температуры высокой. Короче, к чему я это говорю? Они были бездетные, Соня, его покойная жена, она раньше умерла... значит, у них не было детей. Я ему говорю — Гриша (Гриша и Эшел это одно и то же лицо. Прим. соб.), отпиши на меня дом,

²² http://www.belniva.by/news_full.php?id_news=22039

²³ Номер согласно копии рукописного «Списка евреев м. Желудок, расстрелянных немецкими фашистами 9 мая 1942 года», полученной в июле 2012 г. в поссовете г.п. Желудок.

²⁴ Зап. Е. Смирнова и М. Сидорова-Шпилькер.

²⁵ Зап. Е. Смирнова и М. Сидорова-Шпилькер.

мы тебя доглядим до старости, до смерти, ты будешь как член нашей семьи. Мы рядышком, очень дружно жили. Он мне — Мария, вари картошку, я принесу яиц, и будем кушать. Он очень любил вареную картошку и яица жареные, это его было любимое блюдо. Я наварю картошечки, яиц поджарю... [А были ли вы в гостях у Эшеля, у соседа?] <...> В гостях мы не были, он у нас все время был всегда, потому что он очень любил компанию и даже выпить. И мой муж — они любили выпить, они любили картошку с укропом, и так вот мы кушали вместе. <...> Гриша мне говорит: «мы верим богу». Синагога когда была, они молились — но это уже не при нашей бытности. Он был богатый человек — но и бедный. Его считали бедным, он был самый бедный еврей, очень простой человек, одинокий — бездетный. Он к нам схилился. [прибился], поближе к нам был, чтобы не одиноким быть. Он ганушником работал [старьевщиком], он привозит их сюда, потом приезжает заоконтора, загружает эти тряпки, оформляет...²⁶

Их было три брата — Нема, Эшель, Иосиф. Иосифа расстреляли немцы, когда только они пришли. Жили они точно напротив нашего дома — чуть-чуть левее. Он приходил часто к моей матери: «Рохке, налей мне стаканчик чаю с сахаром», — и мать всегда ему давала. Когда мы с ним встретились после войны, Эшл говорит мне: «Меер, ты не бойся, если б ты остался здесь, я бы тебя спас». Он спасся, потому что он был не совсем нормальный. Он и его брат Нема остались среди 80 человек, которые остались в гетто²⁷.

Об Эшеле/Грише вспоминают и представители и более молодого поколения жителей Желудка; у многих с ним связаны яркие впечатления детства²⁸.

Эшель Деревянский умер несколько лет назад, его дом на Орлянской улице купил поссовет, дом пустует и разрушается. Эшеля похоронили на общем кладбище в Ошмянцах, поставили на могиле обелиск с красной звездой, потому что он был участником войны. У некоторых жи-

²⁶ Зап. Е. Смирнова и М. Сидорова-Шпилькер.

²⁷ М. Мордухович, 1929 г.р., зап. М. Сидорова-Шпилькер 18.10.2012.

²⁸ См. в статье О. Беловой в этом сборнике.

Слева направо:

Эшель Деревянский, Вася Федоров (муж Аси), Мирон Мордухович, Галина Боровик (жена Мирона Мордуховича), Ася Федорова-Вириубская (из личного архива М. Мордуховича)

телей, по свидетельству информантов, это вызвало недовольство — еврей не должен быть похоронен на общем кладбище.

Шмуэл Левин
и Борух Левин (отец и сын)

Шмуэл Левин, по свидетельству Мирона Мордуховича, был образованным и скромным человеком, директором банка в Желудке²⁹. Мирон Мордухович рассказывает о Борухе Левине, сыне Ш. Левина:

Он был очень способный мужик, слесарь высокого класса, ремонтировал оружие, работал в Лидском гетто. Отец его был директором банка, Шмуэл Левин. Борух был хулиганистым парнем, но очень развитый. Во время войны он знал, что его убьют, поэтому он не жил дома, он перебрался в Лиду, в Лидское гетто. Там организовал группу, вооружил ее, и они в 1942 году перешли к партизанам. Он был награжден орденом Красного Знамени, его представили даже к званию Героя Советского Союза,

²⁹ В «Списке евреев м. Желудок, расстрелянных немецкими фашистами 9 мая 1942 года» Шмуэл Левин числится под номером 225.

Шмуэл Левин. Фотография из книги: *The Book of Zoludek (Zheludok) and Orlova; a Living Memorial (Belarus)*, Editors: A. Meyerowitz, Former Residents of Zoludek in Israel and the USA, published in Tel Aviv, 1967

Борух Левин, сын Ш. Левина. Фотография из книги: *The Book of Zoludek (Zheludok) and Orlova; a Living Memorial (Belarus)*

потому что он взорвал там больше 20 эшелонов немцев. Он как раз после войны работал в милиции, потом ушел в Польшу, его хотели посадить, там столько запутанных дел было. Он расправлялся с полицейскими, он стал начальником милиции, и он их арестовывал, которые спрятались, которые участвовали в расстреле евреев. Он их вылавливал, и расстреливал без суда и следствия, за это его хотели арестовать, когда он узнал, он бежал в Польшу. Те, кто работал на немцев, сидели, конечно, спрятавшись. Раньше евреи прятались — теперь они так прятались и уходили в другие области, некоторые уходили вместе с армией в Польшу, а в Польше они устраивались все очень прекрасно — они вывозили по несколько возов еврейского добра. В домах остались <...> мебель, вещи, одежда, все это они растаскивали³⁰.

Нахум Шифманович (1922 г.р.) свидетельствует:

Вместе со мной ушел Борух Левин. За ним полицейские охотились, он прятался до ухода в лес непрерывно. В отряде Борух стал легендой, спустил под откос 18 эшелонов, командование представило к Герою Советского Союза, но он это звание не получил. После

³⁰ Зап. М. Сидорова-Шпилькер 18.10.2012.

войны Борух Левин уехал в Палестину и прожил там до 1981 г., скончавшись в возрасте 70 лет³¹.

Нахум Шифманович

Нахум Шифманович (1922 г.р.) рассказывал о своей семье и о себе³²:

Родители имели небольшую лавку тканей. Папа Герцл страстно увлекался духовым оркестром, который сам организовал. Мать Элька была домохозяйкой и помогала в лавке, были еще брат Шлейме и сестра Эня. В Желудке были три школы с обучением на идиш, иврите и польском языке, две синагоги — старая и новая, помню раввина Сорочкина, были отделения организаций «на-Халуц» и «Бейтар». Местечко находилось недалеко от границы, и ходили слухи о преследовании евреев, о расстрелах не знали, говорили, что такой культурный народ, как немцы, не способен на уничтожение невинных людей. С началом войны руководство Желудокского района сбежало. За неделю безвластия до появления немцев (27 июня 1941 г.) крестьяне из деревень грабили еврейские дома, в основном те, где не были способны оказать сопротивление. Немцы сожгли местечко, остались только окраины, там устроили гетто. Жили в большой тесноте, несколько семей в комнате. Отношение к евреям изменилось. Одни из местных жителей пошли служить в полицию и сотрудничали с новой властью, другие были готовы помочь, но большинство оставалось равнодушными. В первые дни расстреляли шесть евреев, как бывших коммунистов. Потом убивали постоянно за малейшую провинность. Расстреляли 22 еврея, у которых во время работы не было желтых нарукавных повязок. Я был среди них. Сначала немцы не требовали с пристрастием их носить. Новый комендант однажды прибыл к месту работы и потребовал предъявить на построении повязки. Я достал свою повязку из кармана, у которой накануне оторвались тесемки, выпросил у стоявшего рядом булавку и заколол края.

³¹ Свидетельство собрано Леонидом Смиловицким: Свидетели нацистского геноцида евреев на территории Белоруссии в 1941–1944 гг. (http://www.souz.co.il/clubs/read.html?article=2255&Club_ID=1).

³² В «Списке евреев м. Желудок, расстрелянных немецкими фашистами 9 мая 1942 года» семья Шифманович числится под номером 389: «Шифманович Эрцл, жена Элька, дети Эня, Шлеймеле погиб в партизанах». Это родители, сестра и брат Нахума Шифмановича. В списке значатся еще около 30 человек из этой семьи. Гриша Шифманович, сын Нахума, живет в Гродно, ему около 65 лет.

Мой товарищ свою не нашел. Таких, как он, отвели в сторону, заставили выкопать могилу и расстреляли. Нам приказали засыпать убитых. Помню, один из них кричал: «Евреи! Не засыпайте, я еще живой!» Через три дня разрешили похоронить на еврейском кладбище. Когда откапывали их тела, в нагрудном кармане друга я нашел эту проклятую повязку, которая стала пропуском к жизни... 9 мая 1942 г. была проведена общая акция. Всех согнали в подготовленный за городом ров. Расстреливали немцы и полицейские из местных. Уцелел только мальчик Фишеле Зборовский, который голый выбрался из ямы и бежал, но потом снова попал к немцам. В погроме погибла вся наша семья, около 30 чел. — отец и мать, прекрасная танцовщица сестра Эня и другие. Мать успела спрятать только Шлеймеле, заложив его кирпичами в русской печи. Ночью он выбрался и бежал. После долгих мытарств нашел партизан и добился, чтобы приняли его в отряд. Шлеймеле (19 лет) блондин часто ходил в разведку, отличался дерзостью, всегда хотел быть впереди. В последнем бою его смертельно ранили. Я уцелел только потому, что в момент расстрела работал в соседней деревне, откуда меня перевели в Лиду. В это время уже были партизаны. Однажды ночью пришел связной, чтобы забрать из гетто в лес хирурга Мясника. 15 октября 1942 г. мы с доктором и несколькими товарищами, имея неисправное оружие, ушли из гетто. Отношение партизан к евреям было разным. Некоторые сочувствовали, а другие — не скрывали своей неприязни. В отряде я был как все, ходил на задания, сидел в засадах, стоял в карауле.

Желудок освободили в июле 1944 г. «Начальство» (командиры, комиссары отрядов) остались на местах, организовывали местные органы власти, возглавили райком партии и райисполком. Рядовые партизаны влились в действующую армию и пошли на Запад. После войны я демобилизовался, приехал домой, но жить больше в Желудке не мог, поселился в соседнем Щучине. Все годы работал, женился, построил новый дом, появились сын и дочь, дал им высшее образование, родилось четверо внуков. В 1990 г. мы все приехали в Израиль, решение это пришло не сразу, последнее слово было за детьми. Купили квартиру, дети работают, внуки учатся в университете. Дальше они уже сами будут строить свою судьбу³³.

³³ Письмо Нохума Герцовича Шифмановича из Холона от 4 июля 1994 г. Свидетельство собрано Леонидом Смиловитским: Свидетели нацистского геноцида евреев на территории Белоруссии в 1941–1944 гг. (http://www.souz.co.il/clubs/read.html?article=2255&Club_ID=1).

Шейна Сорочкин

О Шейне Сорочкин³⁴ рассказал Мирон Мордухович:

Наша улица была более зажиточная, раби жил в трех домах от нас. Он был старенький, с бородой, у него был одна дочь Шейнке, она тоже погибла. Она с еврейскими делами не хотела связываться, она была образованная, и она ходила в имение, она прекрасно говорила по-польски, они там развлекались, в местечке это осуждали. Перед войной она вышла замуж за молодого раввина, жили они в Желудке. Когда пришли Советы, раввина арестовали, отправили его в Сибирь, он там всю войну просидел, после войны был раввином в московской синагоге и потом переехал в Израиль³⁵.

Девичья фамилия Шейнке — Лурья, ее отца звали Цви Арье Лейб Лурья, его нет в списке расстрелянных, потому что он умер перед войной. В списке значатся их родственники — Меер Лурья с семьей, и Соре-Эта Лурья.

Здесь представлены лишь немногие бывшие еврейские жители Желудка — всех их объединяет общее прошлое, никто из них не живет сегодня в родном местечке. Мирон Мордухович в своей книге упоминает о семьях Волчковских, Дубчанских, Берле Липшовиче, Нохуме — Велвке Грайжевском... Благодаря его воспоминаниям эти люди как бы снова возникают, возвращаются из небытия, вопреки всем усилиям нацистов. О других — почти двух тысячах — желудокцах тоже необходимо рассказывать, чтобы память о них сохранилась у нынешних жителей Желудка.

В рамках проекта «Вместе пишем историю» (Местечко Желудок. Вместе пишем историю и думаем о будущем. Научно-популярное издание, 2011), осуществляемого в Желудке при поддержке немецкого Фонда «Память. Ответст-

³⁴ В «Списке евреев м. Желудок, расстрелянных немецкими фашистами 9 мая 1942 года» их семья числится под номером 271: «Сорочкин Шейна, дети Люба и Бен-Цион».

³⁵ Зап. М. Сидорова-Шпилькер 18.10.2012.

венность. Будущее», представляется необходимым постепенное открытое осмысление и обсуждение нынешними жителями поселка истории жизни и гибели евреев, «официальное» включение этого скорбного и трагического этапа истории Желудка в череду других исторических событий. Для сегодняшних жителей Желудка «еврейская история» поселка остается сложной и социально не «проработанной» — практически все наши собеседники испытывали неловкость при упоминании «еврейской темы» в Желудке. Вероятно, что у многих из них на момент встречи с нами уже существовали определенные стереотипы, но не было достаточного опыта рассуждений и размышлений на эту тему, в процессе которых они могли сформировать свое мнение.

Пришло время создать место памяти с полным списком всех расстрелянных евреев Желудка и Орли. Это должно произойти в ближайшем будущем — пока живы те, кто могут рассказать молодежи о военной истории местечка. Молодые жители Желудка, познакомившись с прошлым поселка, были бы более ответственны в будущем, а название программы «Вместе пишем историю и думаем о будущем» было бы в полной мере оправдано и применимо.

Конкретными шагами по осмыслению истории евреев могло бы быть:

- Составление списка оставшихся в живых потомков и прямых участников событий в Желудке, приезжающих в День Памяти в поселок, установление с ними контактов со стороны жителей и администрации поселка;
- Организация общей встречи жителей поселка и потомков жертв Холокоста, поминовение погибших с возможным участием представителя еврейской общины Гродно;
- Сбор материалов по истории местечка из личных архивов переживших Холокост, в государственных архивах и в интернете;
- Работа по созданию Музея Памяти местечка Желудок в помещении бывшей синагоги;
- Издание и популяризация среди жителей поселка книги Мирона Мордуховича «Желудок»;
- Выявление исторических зданий местечка — синагоги, хедера, миквы, еврейских домов, усиленная реставрация и консервация, обозначение их памятными досками (знаками) с указанием их прежней функции и значения;
- Дальнейшая работа по сохранению еврейского кладбища;
- Создание единого мемориально-исторического проекта «Местечко Желудок».

Ольга Шаталова

(Европейский гуманитарный университет (Вильнюс), Минск)

Не «свои» и не «чужие»:

Евреи в социальном пространстве белорусских крестьян XIX–XX вв.

В 1934–1937 гг. на территории западнорусского Полесья¹ проводились масштабные исследования Научной комиссии по изучению восточных земель. Одной из целей комиссии стала оценка эффективности государственной ассимиляционной политики. Внимание исследователей уделялось роли польской школы в ополячивании местного населения. Оказалось, что полонизация потерпела фиаско, а большинство респондентов предпочло бы изучать в школе не польский язык, а идиш². Ученых удивило лишь то, что подобные пожелания были высказаны белорусскими крестьянами. Что стояло за языковым предпочтением жителей белорусской деревни? И кем был еврей в их социальном пространстве³? Ответы

¹ С 1921 г. по условиям Рижского мирного договора западнорусские земли находились в составе Второй республики в Польше.

² *Obrebski J. Polesie / Redakcja naukowa i wstęp Anna Engelking. Warszawa: Oficyna Naukowa, 2007. S. 355–356.*

³ Вслед за Богданом Яловецким под «социальным пространством» понимается территория, где проживает социальная группа, придающая этой территории ряд смыслов, и/или место, созданное данной социальной группой и полу-

на эти вопросы следует искать в системе взаимоотношений еврейского и белорусского народов в XIX–XX вв.

Пространство взаимной выгоды

Белорусские крестьяне XIX в. жили в замкнутом, почти герметичном социальном пространстве. Этому способствовали объективные (отсутствие денег на перемещения, массовый перевод частновладельческих крестьян с оброка на барщину и т.д.) и субъективные (инертность земледельцев, их страх перед новым опытом и т.д.) причины. Ситуация усугублялась крепостничеством. По мнению Павла Терешковича, белорусы были самым зависимым народом Центральной и Восточной Европы: если в начале XIX в. количество крепостных составляло 57% населения края, то в 1834 г. их число выросло до 64,8%,

чье определение функции и значения (подробнее см.: *Jalowiecki B. Przestrzeń społeczna // Encyklopedia Socjologii / Pod redakcją Władysława Kwaśniewicza i innych. T. III: O–R. Warszawa, 2000. S. 241–244.*)